

ИРИНА СТРЕЛКОВА

ПРОРОКИ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

*«Пожар» Валентина Распутина;
«Печальный детектив» Виктора
Астафьева; «Всё впереди» Василия
Белова...*

Эти три книги трех лучших русских писателей стоят рядом на самом краю очередного великого перелома, за которым началось переживаемое нами смутное время.

Публикуемая статья — попытка прочтения этих книг десять лет спустя.

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА

Уже сами названия книг — «Пожар», «Печальный детектив», «Всё впереди» — прочитываются сейчас как предупреждающие, пророческие. При публикации об этом еще не думалось. Меж тем эти три книги как бы поторопились к читателю, чтобы не упустить эпоху, когда яркая талантливая книга воспринималась как значительное общественное явление, а литературные дискуссии непременно поднимали и самые наиболее важные вопросы русской жизни.

Кстати, это уникальное свойство нашей литературы было хорошо известно на Западе; так, например, американский историк и публицист Г. Солсбери написал в своих мемуарах, что русская литература может больше сказать о состоянии своей страны, чем все стратегии и аналитики-советологи из советов безопасности и исследовательских институтов.

Я помню вечера «Нашего современника» в начале 80-х, когда многотысячная взволнованная аудитория ловила каждое слово Распутина, Белова, Астафьева. В наши дни многие бывшие почитатели таланта Астафьева резко изменили свое отношение к писателю — и произошло это по причинам политического характера. Но какими бы ни были публичные высказывания Астафьева (и статьи, в которых критикуется его позиция) — это не отменяет и не может отменить очарование «Последнего поклона», мальчишечьи светлые слезы героя повести «Кража», правду о войне в «Пастухе и пастушке», артельную уху на Боганиде из «Царь-рыбы»... Астафьев так и останется Астафьевым, одним из самых значительных писателей второй половины XX века. Поэтому его подпись и понадобилась в письме «инженеров человеческих душ» и «прорабов перестройки», опубликованном в «Известиях» 5 октября 1993 года. Астафьев там стоит не по алфавиту, а последним, 42-м. Единственное весомое литературное имя. Все остальные, стоящие перед ним, мало что значат.

Но вернемся к теме этой статьи. Была ли уж такая неожиданность во всем том, что произошло с нашей страной в середине 80-х годов? Сегодня для России это не только трудный, но и очень обидный вопрос. Но он поставлен прожитыми десятилетиями, и от него никуда не уйти — как нельзя было все послевоенные годы уйти от сомнений по поводу «фактора неожиданности», который был изобретен для объяснения, почему советской армии пришлось откатиться до самой Москвы. Какая уж могла быть неожиданность в 1941-м? Ну а в середине 80-х? Разве не задал Шукшин перед

уходом из жизни свой трагический вопрос: «Что с нами происходит?»? Разве не предупредил на прощание: «Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наше страдание – не отдавай все этого за понюх табаку»? И уже прозвучал в России горький укор Федора Абрамова в письме своим землякам, которое, конечно же, было обращением ко всему народу. Многие было сказано русским людям, но услышано ли? «Россия, Русь! Храни себя, храни!» – вещи строки Рубцова, где впрямую названы «иных времен татары и монголы». Юрий Кузнецов: «И улыбка познания играла на счастливым лице дурака». Эти стоящие рядом три книги. Признание Виктора Астафьева, что роман «Печальный детектив» мог бы еще полежать, он не отделан, но обстоятельства потребовали, чтобы эта работа была отдана на суд читателей поскорее. О каких обстоятельствах тут речь? Василия Белова за его роман «Всё впереди» тоже упрекали в спешке. Но в этом романе Белов заговорил во весь голос о кризисе всего мирового технического прогресса, намного опередив состоявшуюся в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро конференцию ООН по окружающей среде и развитию. Примечательно, что прогрессивная критика обнаружила и у Белова в романе «Всё впереди», и у Астафьева в «Печальном детективе» поклон на интеллигентии и скрытый антисемитизм. Но прошло десять лет, и еврейский вопрос сделан открытым. Что же касается интеллигенции, то в последние годы досуговая публицистика просто смешала ее с грязью, обвинила в невежестве, в предательстве и т. п.

Пророчества обретают ценность только в случае, если они сбываются, сказано у Леонида Леонова в «Пирамиде». За последние годы на нас обрушился поток мемуаров, в которых нам демонстрируются всевозможные мудрые предвидения, но, как сказать, задним числом, уже по следам событий. И напрасно стали бы мы искать в этой исповедальной политической прозе хоть какое-то представление о том, какой была в канун перестройки наша русская жизнь, каким был русский человек. Бывшие руководители всех рангов и новая номенклатура склонны рассматривать свой народ через посредство «человека экономическое», производителя и потребителя продукции промышленности и сельскохозяйственного производства. Однако, если рассмотреть просто с человеческой стороны такой сугубо технический показатель, как количество изобре-

ний... В 1981 году наша страна подала в ВОИС (Всемирную организацию интеллектуальной собственности) заявки на 196 тысяч изобретений – больше, чем какая-либо другая страна. А в последний год существования СССР было подано лишь 83 тысячи заявок. Наверное, были какие-то причины, отчего людям творческого склада уже не приходили новые идеи. Изобретатель всегда живет будущим, и если гаснет его фантазия, значит, с будущим что-то неладно.

О мгновенном распаде крепчайшей, как казалось, государственной системы ныне написано столько статей и книг, рассекречено столько шпионских тайн, что на исходе 90-х годов никто ни у нас в России, ни на Западе не возьмется оспаривать роли «мировой закулисы». Но продуманная, скоординированная деятельность самых разных сил – извне и внутри страны – все равно не освобождает от трудного и обидного вопроса: как могли отдать свое первородство за понюх табаку?

Из 1985 года на этот вопрос отвечает своими размышлениями герой повести Валентина Распутина «Пожар» Иван Петрович.

«Обозначился в последние годы особый сорт людей, не совсем бросовых, не потерянных окончательно, которые в своих бесконечных перемещениях не за деньгами гоняются и выпадающие им деньги тут же с легкостью спускают, а гонимы словно бы сектантским отвержением и безразличием ко всякому делу. Такой ни себе помощи не принимает, ни другому ее не подаст, процедуру жизни он исполняет в укороте, не имея ни семьи, ни друзей, ни привязанностей, и с тягостью, точно бы отбывая жизнь как наказание».

• Для Ивана Петровича «Просто край открылся, край – дальше некуда». Прежде было общее и слаженное существование деревни, которое крепилось не вчера придуманными привычками и законами. Деревня умела держаться вместе против общей беды, хотя и в деревне тоже всякие люди водились. Вот так, вместе, и переехали в новый поселок леспромхоза. А здесь «и свои, с кем бок о бок жито и работано под завязку, научились косо смотреть на всякого, кто по старинке качает права и твердит о совести». Стало привычным гонять технику по пьяному делу, тащить с лесопилки, торговать с черного хода: «было не положено, не принято, стало положено и принято, было нельзя – стало можно, считалось за позор, за смертный грех – почитается за ловкость и доблесть. И до каких пор будем сдавать то, на чем вечно держались? – спрашивает себя Иван

Петрович. — Откуда, из каких тылов и запасов придет желанная подмога?»

Напомню, что не сегодня, в пору страшной разрухи, пришли Ивану Петровичу эти мысли, а еще в те времена, которые мы теперь себе представляем ностальгически как мирные и благополучные. Но именно тогда в поселке леспромхоза директор школы однажды подсчитал, что за последние годы сгнуло не своей смертью почти столько же мужиков, сколько за всю войну в шести бывших деревнях, из которых сложился этот поселок. Пьяная стрельба, поножовщина, утопившие и замерзшие, задавленные на лесосеках по своему или чужому недогляду. И еще две могилы прибавятся на поселковом кладбище после пожара. Но не в огне нашли двое свой конец — схватились насмерть честный, защищая государственную собственность, и мародер.

Отчего же могло случиться в сибирском поселке, что пожар не объединил людей, а разъединил, что кинулись тащить добро с горящих складов не только приехавшие архаровцы, но и кое-кто из старожилов поволок к себе мешок муки или сунул за голенище коробочки с колечками-сережками?

В размышлениях Ивана Петровича нет зла на милицию: куда она смотрит? И не мечтает он об ужесточении законов, как это делает в наши дни вся прогрессивная общественность. Иван Петрович уже объяснил сам себе, отчего стали наглеть воры — те же, к примеру, архаровцы, организованные в одну силу со своими законами и старшинством: «Люди, столкнувшись с какой-то невиданной сплоткой, держащей не на лучшем, а словно бы на худшем в человеке, растерялись и старались держаться от архаровцев подальше. Сотни народу в поселке, а десяток захватил власть — вот чего не мог понять Иван Петрович. Но, раздумывая об этом, догадывался он, что люди разбрелись всяк по себе еще раньше и что архаровцы лишь подобрали то, что валялось без употребления».

И дальше, докапываясь до сути того, что произошло с людьми, Иван Петрович не щадит и себя. У него у самого в душе разлад. И это творится не только с ним. А беспорядок внутри тебя еще опасней, чем беспорядок вокруг...

Все, о чем написал Распутин в повести «Пожар», повторилось затем в масштабе всей страны: занялся огонь, и начали растаскивать, стремясь урвать побольше. В масштабе всей России люди отступили перед «сплоткой», держащейся не на лучшем, а на худшем в человеке: на корысти, предатель-

стве, презрении к «этой стране». А «сплотка» еще и позабавилась, швырнув народу ваучеры: хватай, разбирай, участвуй в дележке, пихай коробочку за голенище. В этом было — кроме наглого обмана — еще и изощренное издевательство над русскими понятиями об артельной справедливости, так славно изображенными Виктором Астафьевым в «Царь-рыбе»: на Боганиде рыбацкая бригада хранила обычай кормить ухой всех ребят без разбору из общего котла — этим очищали свои души даже самые лютые, нелюдские мужики, озлобленные в другое время и в другом месте.

И в «Печальном детективе» снова появилась у Астафьева дружная артель ребятишек «всех народов», которые проходили свою первую и главную житейскую школу под присмотром стрелочницы тети Грани. Это была его, астафьевская школа. В наши дни кто-то из публицистов попрекнул Астафьева даже детдомовским прошлым — как первопричиной отсутствия корней. Хотя именно Астафьев одним из первых помогал нам осознать и своим «Последним поклоном», и «Кражей», как Россия перемалывала на свой лад чужеземное учение о пролетариате, возвращалась к вековым традициям правды и совести.

Но почему не пропал в своем сиротском детстве писатель Виктор Астафьев, почему не пропал герой «Печального детектива», тоже сирота Леонид Сошнин, и почему так страшно Сошнину за дочь, почему ее поколение, такое безмятежное, видится ему как «самое трагическое за все земные сроки»? В финале романа Сошнину снится сон, что Светку уносит на льдине, он пытается ее спасти, но никак не может преодолеть поток кипящей мутной воды, а льдина превращается в тетрадный белый листок и куда-то улетает... Один из критиков назвал при обсуждении романа этот сон литературным, сшитым на заказ. А сон оказался вещим! Тогда чей же это был заказ?

Астафьев словно бы швырнул свой роман «Печальный детектив» в лицо так называемому образованному обществу — швырнул с испавицей и злостью, которая не могла затем не отыгаться и на нем самом, но это уже другая тема. А тогда писателя прежде всего обвинили в сгущении красок: где он увидел такой город, в котором вольготно и безнаказанно чувствуют себя преступники? Обратили внимание и на то, что герой Астафьева клянет извечную русскую жалостливость, из-за которой и живется так хорошо всяким жуликам и бандитам. Но этот мотив звучит у Астафьева не впервые, он со

злость» писал про «российскую болезнью» — жалеть «бедных арестантиков» — еще в давнем рассказе «Медведи», и не только там.

Характерны отклики тогдашних читателей «Литературной газеты», на литературные пристрастия которых повлияли прежде всего авторы этой газеты. Кстати, в этом нет ничего предосудительного — мы все небеспристрастны.

Так вот, в 1986 году читатель «Литературной газеты» в основном негативно отреагировал на «Печальный детектив». Читателя покорило грубый язык романа, обилие диалектизмов и просторечия не только в прямой речи персонажей, но и в авторском тексте. Не принял читатель «Литературной газеты» и то, как Астафьев изобразил в романе интеллигенцию небольшого сибирского города: «Астафьев написал антиинтеллигентский, антиинтеллектуальный роман. Во всем горьком, что у нас произошло, Астафьев винит интеллигенцию. А где верхи города Вейска?» Из письма ясно, что вопрос читателя о «верхах города Вейска» — это вопрос вообще о верхах всей страны. И вот тут, как видно, Астафьев читателя разочаровал. Астафьев пошел не тем путем, какого от него ожидали.

Задержимся немного на проблеме «верхов» как отличительной черте социалистического реализма. Ни Распутин, ни Астафьев, ни Белов никогда не щеголяли критикой начальства, на чем еще совсем недавно составлялись иные громкие литературные репутации, при полном покровительстве самих «верхов» (открытом или замаскированном). Ведь это была своя доска партийная критика, которая настраивала читающую публику в должном направлении: голос писателя будет услышан, в ЦК примут надлежащее партийное постановление, отсталого начальника снимут, и его место займет новый, прогрессивный начальник, а еще лучше будет, если придет «человек со стороны».

Вот и в учебнике для средней школы — нынешнем, демократическом — борцам против начальства воздано по заслугам. Там перечислен целый ряд «передовых и прогрессивных» писателей, актеров, режиссеров, которые критиковали доперестроечную власть и жаждали перемен, а Валентин Распутин в этом демократическом учебнике числится в другом ряду, среди тех, кому не хотелось никаких перемен, все прежнее их вполне устраивало. Примечательно, что авторы учебника, очевидно, имевшие партийный опыт и поэтому легко освоившие вторую партийность, не включили Астафьева ни в список «ретроградов»,

ни в ряд «передовых и прогрессивных». Вообще неизвестно, куда его теперь девать. Когда по случаю вручения Астафьеву премии «Триумф» приветственную речь выпало держать Андрею Битову, эта приветственная речь была украшена цитатой не из Астафьева, а из Жванецкого. Ответ одного из самых значительных писателей нашего времени был достоин героя «Печального детектива»: Астафьев благодарственно сообщил публике «Триумфа», что он, скромный провинциальный писатель, как бы предчувствуя нынешнюю награду, еще с давних времен болел за футбольную команду КамАЗа. Но Битов-то в данном случае представлял совсем другой «футбол» — ЛогоВАЗ г-на Березовского.

...В «Печальном детективе» Астафьев, по определению В. Кожнинова, высказанному на дискуссии в 1986 году, обнаружил новый тип преступника, появившийся в России. Преступность как форма оголтелого самоутверждения, пусть даже по пути самоуничтожения. При этом Астафьев дал очень точное определение психическому настрою на «самоуничтожение», назвав это «культурно-массовым разгулом».

«Культурно-массовый разгул» — вот перед чем интеллигент в первом поколении Леонид Сошин, современный рыцарь печального образа, вдруг почувствовал себя беспомощным. Как на самом краю, за которым ничто, пустота.

Напомню, что мысль о крае жизни приходит в то же самое время Ивану Петровичу в «Пожаре» Валентина Распутина. На краю ощущает себя и ученый Дмитрий Андреевич Медведев в романе Василия Белова «Всё впереди». И так случилось, что в финале романа Белов привел своего героя на Бородинский мост, на то самое место, откуда в октябре 1993 года танки стреляли по русским защитникам Верховного Совета и телевидение показывало всему миру этот «культурно-массовый разгул», эту массовку, обезумевшую от вседозволенности.

Перечитывая в наши дни роман Белова, я вспоминала, как писателя упрекали в очернении Москвы и московской жизни, которую он, будучи деревенщиком, якобы слабо себе представляет. Упреки в неверном изображении московской жизни были, по сути, упреками в негативном отношении к интеллигенции. Очевидно, для Белова уже тогда в Москве было две Москвы — он об этом говорит, как о двух берегах, которые видны с Бородинского моста. Когда-то, в «Капюнах», Белов увидел и написал настоящую, укрывшуюся по переулкам рус-

скую столицу. В романе «Всё впереди» – это уже другой, очень переживший город. Черствый город, продолжающий свою праздничную жизнь в то самое время, когда смертоносный смерч растерзал Костромскую и Ивановскую области, когда там рушились дома, гибли люди. Москва у Белова – дичающий город со своими первыми экстрасенсами, массовое нашествие которых состоится при Горбачеве. В романе «Всё впереди» Белов показал нам в зародыше то, что сейчас обрело такой размах. А исконная Москва в романе – это Медведев, коренной ее житель, выпестованный ее старорусским укладом, несущий в себе гены боярских родов и черносошного тверского крестьянства.

С первых страниц романа Белов сообщил читателю, что Медведев в кругу друзей юности уже давно считается «предсказателем будущего». Он размышляет о самом тревожном симптоме грядущего развала государства – о распаде связей между людьми. И вот тут-то в нем сказывается коренной москвич, для которого город, где он живет, где жили поколения его предков, – это прежде всего город семейный, стоящий на фундаменте исторического родства и свойства всех его жителей. Занявшись своей родословной, Медведев, кроме главных двух корней своего рода – боярского и крестьянского, обнаруживает в разветвленном древе и потомственных военных, и купцов, и священников, и мещан. А что у него сегодня? Но Медведеву, самое страшное, что происходит с людьми в дичающей Москве, это растущая несовместимость, навязываемые искусственные противопоставления друг другу. По выходе романа «Всё впереди» в рецензиях обычно цитировали такие слова Медведева: «Чтобы уничтожить какой-нибудь народ, вовсе не обязательно забрасывать его водородными бомбами. Достаточно посорить детей с родителями, женщин противопоставить мужчинам. Не так просто, но возможно». Это высказывание давало повод критикам, полагавшим, что деревенщик Белов ничего не смыслит в тонкостях городской жизни, задавать писателю sacramентальный вопрос: кто же все-таки навязывает искусственные противопоставления, кто сорит детей с родителями и женщины с мужчинами? Что за сила? Вопреки подозрительным критикам, утверждающим, что для Белова сосредоточением этой таинственной злой силы является в романе Михаил Бриш, бывший друг Медведева, вся логика повествования свидетельствует о другом: не Бриша Медведев считает главным врагом. Бесы, дьявол – вот о чем размышляет Медведев, пони-

мая, что и привычный нам максимализм – тоже от дьявола. Пройдет еще немало лет, и размышления о сатанинском, о максимализме дьявола завладеют многими умами, этому будут способствовать и события реальной жизни, и появление философского романа Леонида Леонова «Пирамида».

Главный конфликт у Белова не между Медведевым и Бришем, который увел у него жену и намеревается увезти в эмиграцию его детей, а между Медведевым и наркологом Ивановым, между человеком, отказавшимся от максимализма, и ценстовым максималистом. Кстати, между ними поделены и авторские мысли. Линия Медведева в романе – это линия покаяния бывшего максималиста. Медведев не виновен в гибели своего любимого ученика Жени Грузя. Грузь погиб, потому что нарушил приказ своего учителя и в одиночку занялся наладкой сверхсекретной установки. Но Медведев не способен выкручиваться, перекладывать вину на погибшего, для него судебный приговор, тюрьма – это искупление, без которого дальнейшая жизнь была бы невозможна. После гибели Грузя, после долгих лет тюрьмы происходит духовное преображение Медведева, ему открывается бесцельность веры в технический прогресс, бесплодность рационалистического ума в сравнении с возможностями сердца. И здесь мысли героя романа «Всё впереди» перекликаются с тем, о чем говорил русский ученый И. Р. Шафаревич – тоже задолго до наших дней – в лекции, прочитанной по случаю вручения ему Хейнemannовской премии Геттингенской академии наук: «Бесформенная, лишённая иной цели и смысла, кроме неограниченного расширения, лихорадочная деятельность уже несколько веков как захватила человечество. Она получила название "прогресса" и на некоторое время стала чем-то вроде суррогата религии. Ее последним порождением является современное индустриальное общество. Уже много раз указывалось на то, что эта гонка содержит в себе внутреннее противоречие, приводит к катастрофическим материальным последствиям: все возрастающему непосильному для человека темпу изменений жизни, перенаселённости, уничтожению окружающей среды. На примере математики я хочу обратить внимание на не менее разрушительные духовные последствия: человеческая деятельность лишается глобальной цели, становится бессмысленной» (подчеркнуто мной. – И. С.).

В романе Белова не так-то много сказано о поисках Медведевым высшей

религиозной цели. Его видели в Елоховском соборе – не более того. Однако и этого может быть достаточно, если обратить внимание на последовательность поведения Медведева. Обретение высшей религиозной цели – задача более сложная, чем посещение церкви и исполнение православных обрядов. Максималист Иванов попрекает Медведева за нерешительность, за евангельское всепрощение. «Христианство в его российском варианте равносильно самоубийству», – объявляет Иванов. «Брось... Что мы знаем об этом, как ты говоришь, варнанте?» – отвечает Медведев. По логике Иванова, справедливость восторжествует только тогда, когда детей Медведева отберут у его бывшей жены и ее нового мужа, чтобы возратить законному отцу. А для Медведева все случившееся – это не его несчастье, а прежде всего несчастье его детей. Он не имеет права «бороться» (как следовало бы по логике Иванова) за души своих детей, потому что привлекая их на свою сторону, он тем самым отделяет, отрывает дочь и сына от их родной матери. Тут не может не прийти на память притча о царе Соломоне. Медведев и Иванов – оба русские, но русские *разной веры*.

Противостояние Медведева и Иванова поневоле вспомнилось, когда в русской литературной среде возникла дискуссия об «активном» или «пассивном» сопротивлении, причем оказалось, что к «пассивным» отнесли и Валентина Распутина, и Владимира Крупина. В литературе противопоставления подобного рода всегда выглядят сомнительно, особенно когда замечаешь, что «активность» измеряется количеством восклицательных знаков в тексте. В русской истории максимализм много раз обнаруживал свою дьявольскую сущность. И много раз мы убеждались, что истинные перемены в русской жизни совершаются как бы незаметно, потому что происходят последовательно. Кстати, в романе «Всё впереди» есть рассуждение Медведева о том, что разрушение последовательности проходит всегда безнаказанно, поскольку его результаты сказываются намного позже. При этом Медведев приводит простые житейские примеры: готовую отполированную деталь передают другому рабочему, и тот начинает ее заново строгать; ученику, еще не изучившему арифметику, преподают алгебру. «С разрушением последовательности исчезает ритм, а с ним исчезает и красота... В сущности, дьявол ужасно антиэстетичен», – говорит Медведев.

«Всё впереди», как и «Печальный детектив», – семейный роман, которо-

му социальное никогда не было заказано. Главная боль обоих романов – распад семьи, разрыв связей времен, этой основной последовательности человеческого рода. Но именно эту боль не поняла и не приняла значительная часть критиков. У меня хранится полоса «Литературной газеты» от 17 августа 1986 г. с «Некруглым столом» на тему: «Художник или публицист – кто прав?» Тут любопытно, конечно, уже само противопоставление. Один из участников той дискуссии, А. Ланщиков, говорил, что не случайно Астафьев в финальном публицистическом отступлении выделил два ключевых слова – «Земля» и «Семья»: «Мы хорошо знаем, какая разрушительная энергия выделяется при расщеплении атома. Не такого ли рода энергия выделяется при "расщеплении" семьи в условиях современной цивилизации?» И процитировал из «Печального детектива»: «Династии, общества, империи обращались в прах, если в них начинала рушиться семья...» Ему возразила А. Латынина: «А вы считаете, что смысл романа так вот в финале и воплощен? Я не имею в виду идею: "надо укреплять семью" – которую, конечно, извлечь просто, благо автор сам на нее напирал. Но художественная мысль – не глубже ли все-таки этой сентенции?» Ланщиков в доказательство своей правоты сослался на эпизод «Войны и мира», где выделены две мысли Толстого, и одна из них – мысль о семье. На это Латынина ответила: «Что ж, и Толстой-моралист далеко не всегда равен художнику». Очевидно, этой репликой и был навеян заголовок «Некруглого стола». Только «моралиста» заменили «публицистом». Однако противопоставление оставлено как нечто само собой разумеющееся. Словно и в самом деле кому-либо и когда-либо удавалось отделить бестрепетной критической рукой правоту художника от его же «неправоты» моралиста и публициста. Этим «разрывом» обычно занимаются современники – русская классика и тут оставила нам такой классический пример, как письмо Беллинского Гоголю. А из нашего времени памятен возглас критика, что он не приемлет Ивана Африкановича из «Привычного дела» Белова в качестве образца для подражания: «Нет уж, увольте!» Как будто Иван Африканович из того же ряда, что и «зеловек со стороны» или «кавалер золотой звезды».

Ну конечно же, это сам Астафьев устами милиционера Сошкина из «Печального детектива» утверждает, что наша российская беда не в том, «куда смотрит милиция», а в крахе семей-

ных устоев. Это сам Астафьев попрекает передовую интеллигенцию города Вейска в том, что она опережает все прочие слои населения в отрицании семейных устоев. То же и в романе «Всё впереди». Это сам Белов предупреждает нас об опасных перспективах гибели рода человеческого. И Распутин в повести «Пожар» устами Ивана Петровича пророчит опасность «укорота жизни» – без семьи и без связей между людьми. Читатели помнят, что на эту опасность разрыва связи времен Распутин обратил наше внимание еще в «Прощании с Матерой». Критика тогда упрекала писателя в том, что он своей уже никому не нужной Матерой хочет отгородиться от светлого будущего, от преобразования Сибири. Сегодня считается доказанным экономический авантюризм всей этой затеи со сверхмощными ГЭС, всей этой, если воспользоваться определением Шафаревича, «лихорадочной деятельностью», которая была изначально лишена «иной цели и смысла, кроме неограниченного расширения», свершающегося под лозунгами «прогресса», заменяющего религию. А в «Прощании с Матерой», как уже и тогда можно было догадаться, речь шла не только о гибели сельского уклада жизни, этой основы русскости, русского самосознания, – за Матерой вставал образ всей России.

У Белова в романе «Всё впереди» Медведев размышляет о неправомерности общезвестного утверждения, что настоящего-то, по сути, и нет, а есть всего лишь краткий миг между прошлым и будущим. Как известно, нам все это начинают втолковывать с юности, но формуле Брюсова: «...не живи настоящим: только грядущее – область поэта». Однако самые прекрасные мечты о будущем, не теряя своих возможностей к реальному воплощению, таят в себе не только опасность бездействия и ложных путей – этими мечтами питаются идеи разрушения. Вот почему бесы всегда ругают прошлое и хвалят будущее. Будущее для них вообще вне критики. По Белову, идеализация будущего гораздо опасней, чем идеализация прошлого. Идеализируя будущее, мы ежеминутно отрекаемся от своего настоящего, то есть от самих себя. Философствование героя романа Белова созвучно известному теперь заявлению Леонида Леонова: «Здесь со своей болью обитаю» (выделено мной. – И. С.).

Жить по совести, жить в согласии с людьми, не отрекаться от настоящего... Десять лет смутного времени, десять лет невиданного в России «культурно-массового разгула» помогли нам оценить Белова, Распутина, Астафьева как писателей-моралистов гораздо

лучше, чем мы могли это сделать по выходе трех книг на самом краю очередного великого перелома.

В русском самосознании издавна закрепилось, что существует голос совести. Даже человек, потерявший совесть, знает о существовании этого высшего идеала. Во всяком случае, так было до последнего времени. Государственному атеизму не удалось вытравить в народе его духовную сущность, основанную на Православии. Духовность осталась родовой чертой нашей литературы, ее отличием, признанным во всем культурном мире.

Но посмотрим, что получается, когда русский моралист обращается со своими идеалами правды и совести к так называемым наследникам великой европейской культуры и философии. Письмо Василия Белова к немецкому ученому и писателю Вольфгангу Казаку, специалисту по русской литературе, труды которого у нас широко известны, было вызвано варварскими наговорами бомбардировками, обрушившимися на сербские города и селения. Василий Белов спрашивал профессора Кельнского университета Вольфганга Казака: «Для чего вообще народы США и Европы содержат НАТО? Почему в межэтническом балканском конфликте Европа и ООН обвиняют одних только сербов?» На эти вопросы Белову, по его мнению, давало право его личное знакомство с Вольфгангом Казаком и благожелательное отношение немецкого ученого к русской культуре. Белов спрашивал: неужели немцы не понимают, что бомбежка сербских городов и поселков опасна для них самих: где гарантии, что завтра бомбы не обрушатся на Кельн, на Париж, на Рим?»

В таком открытом письме, конечно, не могла не зайти речь о двух мировых войнах, которые на Руси зовут «германскими». Неужели немцы радуются тому, что после Второй мировой войны в русских деревнях почти не осталось мужчин? И почему сегодня такие немецкие руководители, как Клаус Кинкель, позволяют себе заявлять в Минске, что объединение белорусов и русских может осложнить создание европейской системы безопасности?

Судя по открытости письма Белова, писатель очень надеялся на особые чувства немцев по отношению к России. А почему – и объяснять не надо. Белову представляется, что и на Балканах немцы не должны бы поддерживать тех, кто является политическим наследником гитлеровских приспешников. Но русский моралист ошибся.

Свое ответное письмо Вольфганг

Казак начал с упоминания о встрече с Беловым в ноябре 1983 года, когда «мы нашли общий язык, хорошо понимали друг друга». Профессор был рад снова услышать о Белове, но эта радость, как он заметил, «омрачена содержанием Вашего письма». Профессор считает, что у него и у Белова общая тема – литература. Но не политика. И затем переходит к политике. По его мнению, утверждение Белова, что ООН и Европа возлагают ответственность только на сербов, не соответствует действительности, а утверждение, что Европа ненавидит Православие, – абсурдно. «Вы не читаете газет и не смотрите телепрограммы западноевропейских государств и США», – пишет Белову профессор Казак, указывая таким образом, где же пребывает истина в последней инстанции. Кстати, по мнению профессора, нельзя говорить вообще о «всей европейской общечеловечности». Люди мыслят весьма различно. С этим, пожалуй, нельзя не согласиться. Однако тут же возникает вопрос: а как же тогда быть с той «**все-европейской**», которая хором кричит то об угрозе «русского национализма», то о «коммуно-фашизме»?

Очень характерное письмо отдельно взятого представителя «всей общечеловечности». Русский моралист пишет ему про две «германских» войны и угрозу третьей мировой, а он в ответ – что солдаты всегда действуют по приказу – вот, мол, и ваши так же действовали в Афганистане и Чечне. Слово бы и не было старой истины, что войны начинают политики и «**вся общечеловечность**», но не солдаты. А что касается бомб, сброшенных на сербские города и селения, то, оказываясь, у немцев тут есть нравственный долг: американские и британские самолеты спасли с помощью воздушного моста Берлин в 1948–1949 годах, «когда Советский Союз... хотел завоевать Берлин с помощью блокады». К тому же, наставляет Белова немецкий профессор, пора понять, что много серьезных проблем имеется и вне Балкан. Например, сто старых советских атомных подводных лодок, которые грозят миру новыми чернобыльскими катастрофами, «если ваше правительство не примет решительных мер для их обезвреживания».

И дальше: «Ваше письмо содержит только негатив. Оно угрожает насильем. Это хуже, чем «чернуха» в литературе. В Вашей художественной прозе Вы выступали за христианство. Я прошу Вас: действуйте соответственно этому, имейте доверие к Богу, покажите свою любовь, смотрите и описывайте мир не сквозь черно-белые очки».

Профессор Казак не пояснил в своем письме, почему же призыв Белова в защиту православных сербов «хуже, чем "чернуха"». Ему, как специалисту по русской литературе, конечно же, известно, что творится в постперестроечном культурном пространстве России. Не зря же он называет Белова одним из писателей «прежних времен». Он видит, какие формы приняла «свобода», ориентированная на вседозволенность, на попрание духовных и нравственных ценностей, на самые темные суеверия. Этому «культурно-масовому» разгулу, несомненно, способствует и нашествие на православную Россию протестантских проповедников, откупивших часы на продажном российском телевидении и радио. Кому-то в Германии, быть может, и кажется, что пасторы несут русским слово Божье, которое в «дикой» России некому произнести. Но это заблуждение простодушных немцев не станет же разделять специалист по русской литературе. Профессору Казаку, конечно, известны строки Тютчева, потрясающие силой заключенного в них религиозного чувства: «Я лютеран люблю богослуженье...» Шарлатанство заезжих проповедников не имеет ничего общего с проповедью учения Христа и имеет своей целью только разрушение Православной Церкви. Казалось бы, одно только уважение к русской литературе, к ее высокой духовности, возвращенной на идеалах Православия, могло подвигнуть профессора Казака на искренний ответ русскому религиозному моралисту Белову, вопрос которого, быть может, слишком прям: «Но за что Европа так ненавидит русское и сербское Православие, почему она так упорно борется с нами?» Однако в ответ профессор Казак обвиняет Белова в «злой демагогии» и, вероятно, в качестве примера, как должны поступать христиане, сообщает о помощи, которую оказывают немцы российским больницам, домам престарелых, детским садам. И еще один пример приводит Казак в укор Белову: епархия Русской Православной Церкви в Германии, которую возглавляет немец, взяла на свое попечение «одну из сербских полусирот».

Белов не счел нужным продолжать полемику: «Мое уважение к Вам и в Вашем лице к представителям немецкой интеллектуальной элиты сильно поколеблено, поскольку Вы не ответили на мои вопросы... Ваши обвинения в мой адрес несправедливы и бездоказательны. Вы, по всей вероятности, игнорируете опасность нынешнего международного положения не только

России, но и Германии. Тем не менее я желаю Вам личного благополучия».

Белова могут упрекнуть в наивности за сам факт его обращения к профессору Казаку. Заранее следовало предвидеть, каков будет ответ. Уж эти-то десять лет нам показали, чего на самом деле стоят хваленые ценности либеральной демократии Запада. Мы ведь знаем, как реагировала западная интеллектуальная элита на расстрел из танковых пушек русского парламента. А ее равнодушие к геноциду русских в Прибалтике, в других бывших республиках?.. Да что там говорить! Западная интеллектуальная элита, не переставая говорить о своем свободомыслии, ведет такой же двойной счет, как и западные правящие верхи: один – для себя и другой – для России.

И все же переписка Василия Белова с Вольфгангом Казаком не оказалась напрасной. Благодаря ей как-то ясней увиделось, что для христианства на Западе пришли не лучшие времена. Идеология «нового мирового порядка», «единого мирового правительства» враждебна не только Православии, она вообще несовместима с Евангельскими истинами, с нравственными ценностями великой европейской культуры, которая именно по этой причине переживает в наши дни жесточайший кризис.

Когда Достоевский в «Легенде о великом инквизиторе» изложил свою гипотезу о тайных силах, осуществляющих с давних времен свой замысел тайной власти над послушным человеческим стадом, его укорили в том, что он не дает ответа, разрушающего хитросплетения великого инквизитора, который тот говорит Христу, что люди всегда готовы променять свободу на «хлебы»: «лучше поработите нас, но накормите нас». «Ты судил о людях слишком высоко, – говорит великий инквизитор Христу, – а люди слабы, мы заставим их работать, но мы разрешим и грех, и они будут любить нас, как дети, потому что мы им позволим грешить».

Но ответ у Достоевского был. И этот ответ – сам роман «Братья Карамазовы», духовные искания Алеши, муки совести брата Мити, неповинного в убийстве, но готового пойти на каторгу «за всех», и прежде всего за голодного и озябшего ребенка: «За дитя и пойду». И самое сокровенное выражено в романе устами старца Зосимы, завещавшего Алеше прежде всего любить народ: «не раболепен он, не мстителен, не завистлив, в народе то духовное золото, что не продается и не покупается, в народе – совесть...»

Со многими идеями последнего

романа Достоевского совпадает и его публицистика (как тут не вспомнить аргументы на тему «Художник или публицист») на последних страницах «Дневника писателя», где Достоевский говорит о бесшабашном пьянстве, которое разлилось по России, о необходимости оздоровить русский народ, который уже духовно болен – не смертельно, но болен, «хотя главная мощная сердцевина его души здорова». И дальше Достоевский поясняет: «болезнь жестока... Как она называется? *Жажда правды, но неутоленная.* Ищет народ правды и выхода к ней беспрерывно и все не находит...»

Но кто только не использовал в своих корыстных целях русскую «жестокую болезнь» – жажду правды! У Достоевского, который вообще не любил либералов за то, что они преследуют «всякое зарождение в России самостоятельной мысли», вызывали протест «новые открытия историков», связанные с 500-летием Куликовской битвы; а не проспал ли Дмитрий Донской всю битву где-то под кустом? По «Дневнику писателя» видно, как внимательно следил Достоевский за той «правдой» о России, которую сообщали европейские газеты, вызывая раблепный восторг российской прогрессивной общественности.

Минувшие десять лет «жестокая болезнь» трясла и колотила Россию как никогда прежде. Ни один народ в мире не выслушал за всю свою историю о самом себе столько обвинений и оскорблений, столько прямой брани, сколько русский народ за эти десять лет – причем при воздействии всех мощнейших технических средств, проникающих повсюду, в каждый дом.

Сейчас эксперты пришли к выводу, что интеллектуальная элита – западная и прозападная – явно перестаралась, допустила стратегический просчет и получает не тот результат, на который рассчитывала, а совершенно противоположный. Но нам-то пришлось через все это пройти – так помогла ли современная русская литература русскому человеку на этом пути, если взять те же три стоящие рядом книги: «Пожар», «Печальный детектив», «Все впереди»? Или еще и добавила?..

Да, правда, сказанная и Распутным, и Астафьевым, и Беловым, была суровой и беспощадной. Но это была Правда. Очистительная правда, освещенная высокими идеалами совести и добра. В книгах трех больших русских писателей жизнь предстала такой, какая она есть, и русский человек явился таким, какой он есть: да, и жалок он, может быть, и слаб, но жалок и слаб *по-своему*, а совсем не так, как кому-то очень хочется. И в этом, как в известной классической истине, вся сказанная Пушкиным, вся суть.